

индивидуальность. Другие квалификации (а их, несомненно, множество) еще предстоит установить.

В заключение хотелось бы остановиться на еще одном вопросе — на идентификационном потенциале гражданского общества. Для тех процессов, которые идут сегодня в нашей стране, он, возможно, судьбоносный. Вместе с распадом (не будем ностальгировать — неизбежным) СССР ушла в прошлое и новая историческая общность — советский народ. Быстрота и легкость, с которыми это произошло, наводят на мысль, что, видимо, и раньше, до перестройки у «советского народа» были серьезные проблемы. Исследования продолжаются, но есть подозрение, что общность «советский народ» всегда держалась на идеологии, историко-материалистическом мифе. Тем не менее она держалась, была — факт неоспоримый.

Как бы то ни было, неоспорим и другой факт — то, что в результате перестройки homo sovieticus оказался полым. Пошли трещинами все его прежние жизненные смыслы, ну а смысл жизни просто исчез. Хотя информации прибавилось, стало больше — это правда. Не только природа, но и история, а в ней люди — не любят пустоты. И жизнь потихоньку эту пустоту стала заполнять. Материалом старым, веками отработанным: общностью этнических корней, традиционными религиозными верованиями, а еще — прошлыми обидами и поражениями. Социальная стратификация сменилась этноконфессиональной: есть свои и чужие (инородцы), наши и не наши, «верные» и «неверные».

В этой ситуации гражданское общество может и призвано стать источником новых смыслов, действительно современной идентичности. С его помощью «россиянин» — явно «плавающее означающее» — найдет наконец-то своего реального носителя — твердое и узнаваемое «означающее». А гражданский теперь уже индивид, вкусив прав и свобод человека, озаботится родовой своей сущностью, превратив этничность и конфессиональность в нечто действительно «видовое» и факультативное.

Совсем уж завершить свое выступление хотелось бы крылатой Некрасовской фразой «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Поэтов (увы, не только в области литературы и искусства) у нас хоть отбавляй, а вот нормальных, свободных, но продуктивно ответственных, граждан явно не хватает. Я лично надеюсь на то, что придет время, когда «Поэт в России — [будет не] больше, чем поэт». Как ни странно, но это — вернейший (потому что начинающийся в голове) путь к созданию гражданского общества.

В. М. МЕЖУЕВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Сегодня о желательности и необходимости гражданского общества пишут и говорят многие, но не всегда ясно, что, собственно, имеется в виду, какими критериями гражданственности общества и населения руководствуются те, кто рассуждают на эту тему. Отсутствие четких критериев приводит к огромному разбросу мнений: одни считают, что в России гражданское общество еще не сложилось, неизвестно когда сложится и сложится ли вообще (есть и такое мнение), другие убеждены в том, что оно уже реально существует и потому может быть объектом эмпирического исследования и правового регулирования.

Вопрос о критериях — не пустой вопрос. Без них нельзя дать правильную оценку тому, что мы наблюдаем в современном обществе. Почему, например, стояние людей у Белого дома в дни путча 1991 г. мы считаем актом гражданского мужества, а противостояние власти так называемых защитников Белого дома в 1993 г. чуть ли не уголовным преступлением? Как вообще оценивать те или иные формы протестного поведения населения, включая не только шествия и демонстрации, митинги и забастовки, но и более радикальные, вплоть до гражданского неповиновения, революции и даже гражданской войны? Это — проявление гражданственности или наоборот?

В советские времена под гражданством было принято понимать государственное подданство: «гражданин» было словом официального языка, на котором народ обращался к власти («гражданин начальник»), а власть к народу («пройдемте, гражданин»). В эпоху рыночных реформ гражданство стали отождествлять с уходом человека в частную (приватную) жизнь — семью, домашнее хозяйство, личный бизнес, предпринимательство и пр. Гражданское общество, с этой точки зрения, — это плюралистическое общество, вышедшее из тени объединяющего всех государства и предоставившее каждому индивидуальную свободу выбора. Как говорил Гегель, в гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальные — только средство. А поскольку индивидуальный выбор реализуется, прежде всего, в сфере рыночных от-

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). Наш постоянный автор.

ношений, переход к гражданскому обществу стали отождествлять с переходом к рынку.

Восходящая к Гегелю и Марксу традиция истолкования гражданского общества как буржуазного была воспринята нашими экономистами-реформаторами в буквальном смысле. Гражданин и буржуа (не в смысле горожанин, а в смысле частный собственник) для них — одно и то же. Разница между классиками и ими лишь в том, что для первых это было предметом критики, тогда как для вторых доказательством преимущества гражданского общества перед всеми остальными.

Между государством и рынком мы, похоже, не видим никакого иного пространства, иной реальности, достойной внимания. Спасение от всевластия государства ищем на рынке, а от стихии рынка — в государстве. Так и мечемся между двумя этими полюсами, не будучи в состоянии удержаться ни на одном из них. В их диапазоне расположены все наши идеологические предпочтения и партийные пристрастия. Одни — за свободный и ничем не ограниченный рынок, другие — за сильное государство. А разумно сочетать то и другое пока ни у кого толком не получается. И не получится, пока не поймем, что государство и рынок могут мирно сосуществовать друг с другом лишь при наличии третьего — гражданского общества, — который у нас почему-то всегда лишний. Без него рынок и государство — сталкивающиеся между собой, постоянно конфликтующие величины. За пределами гражданского общества рынок становится диким и социально неконтролируемым, а государство в целях его обуздания излишне бюрократизированным и репрессивным. В любом случае гражданское общество, смягчая их противостояние, не сводится полностью ни к тому, ни к другому.

Прежде чем что-то сказать о гражданском обществе применительно к нынешней России, необходимо, хотя бы вкратце, ответить на вопрос, что понимается под ним в современной науке. Единого мнения на этот счет, конечно, не существует, но хотелось бы выделить две важные тенденции в современном истолковании этого понятия.

Во-первых, оно трактуется не как экономическая и даже не как социологическая, а как, прежде всего, политическая категория, в прямой связи с теорией демократии. Отсюда следует, что гражданское общество, хотя находится за пределами государства, не существует вне политики, не исключено из политического пространства.

Во-вторых, его используют не столько для описания реального положения дел в так называемых странах либеральной демократии, сколько для критики этого положения, т.е. в качестве нормативного понятия. В последней четверти XX в. понятие гражданского общества, до того надолго забытое, возродилось в политической науке Запада сначала в связи с критикой тоталитарных режимов, а затем в связи с критикой самого западного общества, которое также далеко от совершенства, причем в плане именно демократии. С

помощью этого понятия хотят высветить присущие этому обществу недостатки и изъяны, сохраняющиеся в нем элементы социальной несправедливости и административного произвола.

В результате возникли новые концепции гражданского общества, отличающиеся от тех, которые разрабатывались на заре демократии — в XVIII и XIX вв. В современной политической науке существует не одна, а несколько моделей гражданского общества, и еще надо понять, какая из них нам больше подходит.

Под гражданским обществом (или обществом граждан) принято понимать совместные (коллективные) действия людей в сфере не их приватной (частной), а публичной (или общественной) жизни, причем в условиях, когда она перестает быть монополией властных элит — как традиционных, так и современных. Это именно сфера действий, поступков людей, которые могут носить как стихийный, так и организованный характер, получая в этом случае институциональную форму неправительственных, негосударственных объединений, союзов, ассоциаций, функционирующих по принципам самоорганизации, самоуправления и, как правило, самофинансирования.

Непосредственно гражданское общество предстает как сложившаяся независимо от властной вертикали, существующая помимо нее система горизонтальных связей и отношений, охватывающая собой значительную часть населения. Не паспорт, а реальная включенность человека в эту связь превращает его из гражданина *de jure* в гражданина *de facto*.

Но и это еще не все. И до возникновения гражданского общества можно обнаружить разного рода автономные образования, существовавшие вне государства, помимо него. Классическим примером таких образований является сельская община, живущая по собственным правилам и законам. Само по себе наличие внесударственных организаций и учреждений еще никак не свидетельствует о появлении гражданского общества.

Общество становится гражданским в качестве не просто отделившегося от государства самостоятельного образования, но существующего наравне с ним *особого политического субъекта, способного вступать с государством в отношения партнерства, диалога и даже, если необходимо, конфронтации при решении общественно важных дел.* Оно не подменяет собой государство, но делает его объектом постоянного наблюдения и контроля.

Только при наличии собственного мнения и голоса (общественного мнения и голоса) общество обретает способность вести диалог с государством, и только включаясь в такой диалог, оно становится гражданским. В какой форме может и должен вестись этот диалог? Для этого, собственно, и существуют гражданские права. Без соблюдения права граждан на свободу собраний, митингов, демонстраций, объединений, референдумов и пр. диалог между ними и государством практически невозможен. Соответственно гражданское общество должно располагать и независимыми от государства органами пе-

чати и средствами массовой информации, способными выражать и доносить до власти его мнения и настроения.

В настоящее время гражданское общество рассматривается на Западе с позиции не только его контроля над деятельностью государственных учреждений, но и над всей сферой бизнеса. По словам английского социолога Э. Гидденса — автора так называемого «третьего пути», делающего главную ставку в общественном развитии не на государство и рынок, а именно на гражданское общество, — «гражданское общество является фактором одновременного сдерживания рынка и государства. Ни рыночная экономика, ни демократическое государство не могут эффективно функционировать без цивилизирующего влияния гражданских ассоциаций». В таком раскладе проблемы формирования и успешного функционирования гражданского общества выносятся на первый план, ставятся во главу угла и только в зависимости от них решаются проблемы экономического развития и государственного управления. Все, что идет во вред гражданскому обществу, должно быть признано неэффективным и нецелесообразным как с государственной, так и с экономической точки зрения.

До возникновения гражданского общества люди не отделяют себя от государства, полностью сливаются с ним. Власть мыслит себя здесь как единственный источник их общественной связи, считая, что за ее пределами нет ничего, что могло бы считаться обществом в точном смысле этого слова. Так, еще в России XIX в. под обществом понималось либо «высшее общество», либо «тайное общество», но никак не народ, преимущественно крестьянский, живший не общественной, а общинной жизнью, образующий собой единое целое благодаря стоящей над ним власти, т.е. в качестве не граждан, а верно-подданных.

Само понятие «общество», тем более «гражданское общество», ставилось здесь под подозрение, считалось идеологически предосудительным. В своей книге «Константы. Словарь русской культуры» (М., 1997) академик Ю.С. Степанов пишет: «Вскоре после Великой французской революции, в 1797 г., последовало высочайшее повеление императора Павла I “Об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими”. В списке изъятых слов оказались *сержант... общество, граждане, отечество* (опять же из-за его близости к французскому революционному “Отечество” — la Patria). Слово *граждане* предлагалось заменить словом *жители* или *обыватели* (что почти в точности и сделано в “Словаре Академии Российской” 1806 г.); слово *общество* приказано “совсем не писать”». Тому имеется, конечно, историческое объяснение.

Любая традиционная система строится, центрируется вокруг власти, место которой священно, сакрально для всех образующих ее членов. Власть здесь — либо от Бога, либо подобна семейной власти отца («царь-батюшка», «отец родной»), который никем не избирается, но всеми почитается в качестве высшего и непререкаемого авторитета. Здесь ничто не противостоит вер-

ховной власти, ее решения обязательны для всех, они не обсуждаются и тем более не оспариваются. Поэтому и вся сфера публичной (общественной) жизни является здесь монополией власти, носит характер чистого официоза, а если кто-то и допускается в нее, то исключительно в границах, предусмотренных и строго контролируемых самой властью. В России подобное отношение к власти стало устойчивой политической традицией, которая, собственно, и является главным препятствием на ее пути к гражданскому обществу.

Сегодня, казалось бы, многие препоны на этом пути сняты. Какая-никакая, но есть гласность, проводятся выборы, возникли многочисленные партии и общественные объединения. Но место, занимаемое властью, по-прежнему остается скрытым от глаз общественности. Происшедшая смена элит не привела к заметному изменению природы власти и отношения к ней населения. Она представляется им столь же всемогущей, неподконтрольной им и лично персонифицированной, как и прежде. После короткого всплеска политической активности населения вновь заметна тенденция к его деполитизации, спаду интереса к партиям и их программам, уходу из общественной сферы в частную жизнь, снижению числа голосующих на выборах и пр. Люди явно не верят тому, что могут как-то воздействовать на ход событий, что от них что-то реально зависит, что с их мнениями и желаниями будут считаться. Преобладает стремление не столько влиять на власть, сколько спрятаться от нее куда подальше.

Традиционализм нашей политической системы состоит в том, что, достигая в процессе своего реформирования границ власти, она тут же начинает регенерировать, двигаться в обратном направлении — в сторону усиления той же власти, а значит, и сужения границ *публичной свободы*.

Что же в настоящее время препятствует формированию у нас гражданского общества? Главная причина, я думаю, — в исконном недоверии власти к способности народа принимать самостоятельные и разумные решения по общественно значимым проблемам. Удел народа, как принято считать, — это сфера частной (приватной) жизни (труд на производстве, мелкое и среднее предпринимательство, семья и пр.), тогда как политика — исключительно дело власти. Это классический предрассудок традиционно-сословного общества, которому как раз и противостоит общество гражданское. И пока этот предрассудок владеет сознанием большинства, путь к гражданскому обществу остается перекрытым.

С другой стороны, предрассудок этот сохраняется не на пустом месте — за ним стоит реальная неготовность широких масс населения к активной политической жизни, что вполне объяснимо в стране с длительной историей политического бесправия. Ведь для участия в ней требуется ряд условий — как объективных, или материальных, так и субъективных.

За гражданскую активность, как известно, денег не платят, их нужно еще заработать. Мы — не древние эллины, за которых работали их домашние слу-

ги и рабы. На Западе высокая оплата труда и многочисленные социальные гарантии сопровождаются сокращением рабочего времени, что влечет за собой подъем общественной самодеятельности населения во всех ее формах. Достаточно высокий уровень доходов при наличии свободного времени — необходимое условие повышения гражданской самодеятельности населения. В ситуации же хронической нужды люди думают больше о том, как прокормить себя и семью, на все остальное им просто не хватает времени.

Свободное время, если оно все же имеется, можно использовать, конечно, и в личных целях, заполняя его отдыхом, туризмом, потреблением, разного рода развлечениями. Сегодня не так много людей, готовых жертвовать своим свободным временем ради общественных нужд и забот, забивать свою голову вещами, на которых много не заработаешь. Важно поэтому, чтобы они жили не только частными, но и общественными интересами, а это уже проблема нравственная и культурная.

Гражданин — это человек, для которого политика, судьба собственного государства становится личным делом, предметом не профессионального интереса, а гражданского долга. Политика в гражданском обществе становится делом всех, что, конечно, не исключает наличия профессиональных политиков. Гражданское общество отделено от государства, но не от политики, означая тем самым конец монополии власти на политику. Но тогда и политика в гражданском обществе — это не только сфера государственной власти, но вся публичная сфера общественного взаимодействия и активности людей: она включает в себя всю систему их общественных ассоциаций и объединений, способных ставить перед собой и решать определенные социальные цели и задачи.

Превращение людей в граждан — целая *культурная революция* в жизни общества. Для этого необходимо не просто наделить каждого гражданскими правами, но сформировать в его сознании качественно новую систему приоритетов и ценностей. А это требует в свою очередь появления особого, отличного от традиционного, типа культуры.

Трудно представить гражданское общество без людей, впитавших в себя ценности свободомыслия и равноправия, не находящихся в плену предрассудков и суеверий прошлого, касающихся как природы власти, так и человеческой природы. Культура гражданского общества не совместима с любыми культурами — ни с религиозным фундаментализмом и клерикализмом, ни с политическим «культом личности», какой бы замечательной не была эта личность. Она базируется на этике солидаризма и личной ответственности за все, происходящее в обществе.

Скажем совсем просто: гражданское общество нуждается не просто в людях, располагающих материальным достатком и свободным временем, но в людях, прежде всего, просвещенных и образованных. Оно не может состоять из малограмотных, малообразованных людей, не способных к самостоя-

тельному мышлению и публичному дискурсу. Такие люди могут на короткое время объединиться в протестующую толпу (часто под влиянием демагогов и политиканов), но не способны к постоянно возобновляемому публичному диалогу друг с другом и властью. Будучи по паспорту гражданами, они так и остаются слепым орудием в руках власти.

Отсюда вывод: если мы действительно хотим попасть в гражданское общество, *интересы образования и культуры должны стать приоритетными как для государства, так и для экономики*. Современное гражданское общество формируется не в частных лавочках и мастерских, не на улице и в шуме толпы, а за партами школ и на студенческих скамьях, в процессе подключения каждого к многообразным информационным потокам, т.е. в результате огромной образовательной и просветительской работы. Государство, не вкладывающее средства в эту сферу, так и останется наедине с безмолвствующим, не способным к самостоятельной жизни народом, а экономика, безразличная к состоянию культуры и образования в стране, никогда не станет экономикой роста и процветания.

Но и государство со своей стороны должно быть способно к такому диалогу. Отнюдь не любое государство годится для этого. Таковым является только демократическое и правовое государство, обладающее желанием слушать, понимать и принимать к исполнению то, что ему говорит общество. Гражданское общество сочетается не с любым, а только с правовым государством: одно без другого просто не существует.

Важно понять, что переход от традиционного к гражданскому обществу — не только экономическая, но и правовая реформа, означающая коренное изменение политической системы, основанной на принципах централизованной и авторитарной государственной власти в лице монарха, вождя, олигархической корпорации или одной партии. Рыночная экономика возможна и в условиях существования авторитарного государства, чему немало примеров в истории, гражданское общество — никогда.

Государство является правовым в силу юридически сформулированных законов, в которых закреплены основные гражданские и политические права человека. Гражданские права делают людей независимыми от государственной власти, политические — источником власти (посредством выборов). В результате сама власть становится демократической.

Начавшаяся в нашей стране перестройка мыслилась первоначально как, прежде всего, *правовая реформа*, ставящая своей целью смену командно-административной системы управления государством и экономикой демократической, что позволило бы перейти к гражданскому обществу, а вместе с ним и к свободной рыночной экономике.

Во времена Ельцина переход к гражданскому обществу был подменен переходом к рынку. Считалось, что рынок, если открыть для него все шлюзы, автоматически приведет к созданию гражданского общества. Установка на

демократизацию государства сменилась установкой на экономическую либерализацию с ее резко негативным отношением к государственным структурам и институтам. Идеологи нашей рыночной реформы, будучи в первую очередь теоретиками-экономистами, отождествили рыночную свободу с любой другой, в том числе политической и гражданской.

Экономическая реформа, опередив правовую, обернулась в итоге правовым беспределом, что привело к криминальной приватизации, обогащению немногих за счет всех, всеобщему обнищанию и экономической разрухе, коррумпированности власти, финансовым аферам и махинациям. Тем самым был перекрыт путь и к гражданскому обществу, которое, несомненно, предполагает наличие свободного рынка, но может существовать лишь в режиме *правового государства* и *парламентской демократии*.

После Ельцина вновь заговорили о необходимости «сильного государства», «диктатуры закона», укрепления «вертикали власти». В своем Послании Федеральному собранию (апрель 2002 г.) Путин среди основных целей развития страны на среднесрочную перспективу назвал становление правового государства. И это после десятилетнего периода проведения экономической реформы. Могла ли реформа в ситуации отсутствия полноценного правового государства дать хоть какой-то положительный экономический эффект?

В своем отношении к государству политические элиты раскололись сегодня на два лагеря. Либеральные экономисты, защищающие рынок, всячески умаляют его роль и значение, консерваторы, называющие себя патриотами, мечтают о возрождении его бывшего имперского могущества и величия. Те и другие упускают из виду главное — только в правовом государстве возможно примирить между собой рынок и государство, заставить их работать не друг против друга и не только на собственные нужды, а на пользу третьего — гражданского общества. Похоже, каждый из лагерей в своем видении будущего руководствуется не идеей гражданского общества, а какой-то другой, видя его либо исключительно в рыночной перспективе, либо в перспективе усиления силы и мощи централизованного государства. И хотя оба уверяют, что действуют в интересах народа, народ в их представлении — та же, что и раньше, внесоциальная общность, безгласное и однородное скопление людей, живущее на одной территории.

Наши либералы (точнее, неолибералы), отождествляющие рынок с гражданским обществом, заставляют сомневаться в подлинности их либерализма, который возник все же не как экономическая, а как политическая идеология, делающая главную ставку в переходе к этому обществу на правовое государство. Но и наши патриоты в своем антидемократизме и этатизме — плохие, неистинные патриоты. Их патриотизм — великодержавный, а не отечественный, государство для них важнее общества, власть они любят больше, чем свободу, а народ близок и понятен им в качестве верноподданных, а не

свободных граждан. Никто меня не убедит, что либерализм означает пренебрежение к собственному государству, а патриотизм — пренебрежение к демократическим правам и свободам собственного народа. Ни одна из этих крайностей не приведет к гражданскому обществу, в котором, на наш взгляд, только и заключено спасение России.

Нет слов, гражданское общество в виде разного рода неправительственных организаций и движений, вопреки всем ограничениям, постепенно зреет в России. Это вполне естественный процесс, которому нет альтернативы. Речь идет лишь о том, какая сознательно проводимая политика способствует или, наоборот, препятствует этому процессу, тормозит его. К сожалению, та, которую можно наблюдать сегодня, во многих случаях не благоприятствует ему, ориентируется на совершенно другие идеалы и цели. Об этом, видимо, и следует говорить в первую очередь, ставя вопрос о нашем движении к гражданскому обществу.